

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

т о м 24

Выпуск 5

КАФЕДРА ЗООЛОГИИ

Красноярск

1963

ГАЛУШИН В. М., ЛИХОПЕК Е. А.,
ЛОГУНОВА Ф. Н., РУБИНШТЕЙН Н. А.

БОЛЬШИЕ ПЕСТРЫЕ ДЯТЛЫ В ДОБЫЧЕ САПСАНОВ НА ЯМАЛЕ

До недавнего времени ни один из исследователей орнитофауны Ямала (Finsch, 1879; Финш и Брэм, 1882; Бианки, 1909; Житков, 1912; Шухов, 1914; 1929; Сдобников, 1937; Дунаева и Кучерук, 1941 и др.) не упоминал о дятлах, что не вызывает удивления ввиду почти полного отсутствия древесной растительности на полуострове. Изолированные ленточные леса из лиственницы и ели с небольшой примесью березы и ольхи имеются лишь по долинам самых южных рек. Но и здесь никто из названных исследователей не обнаружил дятлов или следов их жизнедеятельности.

Граница ареала большого пестрого дятла (*Dendrocopos major*) на северо-востоке Европейской части СССР и северо-западе Сибири согласно сводке «Птицы Советского Союза» (Гладков, 1951) совпадает с границей криволесья в пределах 65—66 с. ш., т. е. на 300—500 км южнее и юго-западнее Ямала. Новейшие исследования позволили уточнить крайне северные пределы распространения этих птиц в интересующем нас районе.

С. М. Успенский (1960) зарегистрировал их на гнездовье в еловом и смешанном редколесье по долинам рр. Уса и Сейда в 60—70 км юго-западнее Воркуты. Н. Н. Данилов (1959) встретил большого пестрого дятла во второй половине августа в верховьях р. Собь на Полярном Урале под 67° с. ш. В. Н. Бойков (1962) включает его в число гнездящихся птиц

северной лесотундры нижнего течения р. Полуй. Е. Е. Сыроечковский (1961), ссылаясь на местных жителей, сообщает, что этот вид встречается на правом берегу Енисея севернее Игарки. Наконец, в списке птиц Ямало-Ненецкого национального округа, опубликованном Л. Н. Добринским (1959), он фигурирует как редко гнездящийся в южных районах — до Полярного круга. Однако каких-либо фактических данных в подтверждение этому автор не приводит.

Многочисленные исследователи, работавшие севернее указанных пунктов, — в Тиманской и Большеземельской тундрах (Seeborn, Harvie — Brown, 1876; Сдобников, 1937; Гладков, 1951 а), на севере Югорского п-ова (Успенский, 1958; Карпович и Коханов, 1962), в 30—80 км севернее и северо-восточнее Воркуты (Успенский и Вехов, 1959; Гладков, 1962), на северном Урале (Брандт, 1856; Портенко, 1937; А. П. и В. А. Кузьякины, 1960), в низовьях р. Оби (Дерюгин, 1898; Шухов, 1915; Добринский — личное сообщение), на Гыданском п-ове (Шостак, 1921, 1921 а; Наумов, 1931) и близ Норильских озер (Кречмар, 1962 и др.) — больших пестрых дятлов не отмечали. Не нашел их и Л. Н. Добринский (1959) в ленточных лесах долины р. Ходыта-яха на южном Ямале, обнаруживший здесь (под $67^{\circ}30'$ с. ш. и южнее) в августе 1958 г. трехпалых дятлов и следы их деятельности. Наконец, С. М. Успенский, посетивший окрестности м. Каменного (восточный Ямал) летом 1961 и 1962 гг., а в начале июля 1962 г. прошедший, кроме того, по долине р. Нурмаяха через район наших исследований, также не встретил здесь дятлов (личное сообщение).

На этом фоне совершенно неожиданно выглядит уникальная находка В. И. Осмоловской (1948), обнаружившей остатки больших пестрых дятлов в добыче сапсанов namного севернее известных до сего времени местонахождений. 14 августа 1941 г. в 20 км от устья р. Хе-яха ($67^{\circ}30'$ с. ш.) и в 60 км от редколесья у гнезда сапсана были найдены остатки одного экземпляра, а в 1942 г. еще севернее — в верховьях р. Ягода-яха под 68° с. ш. (90 км от редколесья) — второго.

Таковы современные представления о распространении дятлов на северо-востоке Европейской территории Союза и северо-западе Сибири.

Летом 1962 г. мы проводили стационарные биоценологические исследования на восточном побережье Ямала севернее м. Каменного — в низовьях р. Нурмаяха ($68^{\circ}45'$ с. ш.)*. Опыт-

* Кроме авторов, в экспедиции принимал участие В. А. Бикейкин.

ный участок охватывал — 150 км² приморской болотистой низины с обилием озер и с отдельными грядами сухих увалов, переходящими в 5—6 км от побережья Обской губы в изрезанное долинами плато. Кроме того, нами были предприняты 3 экскурсии на 20—50 км. к северу, западу и югу от стационара.

Район наших исследований представляет собой сложную мозаику мохово-лишайниковых и кустарниковых тундр. Примечательно, что на «Геоботанической карте СССР» (1954) граница между участками этих двух подзон протекает именно по р. Нурмаяха. Заросли карликовой березы на пологих склонах увалов, покрывающие примерно 1,5—2 проц. территории опытного участка обычно не бывают выше 0,5 м. Толщина отдельных березок у самой земли редко достигает 1,5—2 см. Берега рек и крутые склоны увалов поросли ивами высотой 0,5—1 м и толщиной у основания — 4—6 см. Однако в небольших овражках отдельные кусты достигают высоты 1,5 даже 2 м, а их стволы (в части, лежащей на земле) — толщины — в 10—12 см. Заросли ивняков занимают не более 3 проц. территории стационара. Древесная растительность в районе наших работ отсутствовала; ближайшие островки елово-лиственничного редколесья известны в 200 км к юго-западу от описываемых мест, а более или менее значительные массивы криволесья — в 300—350 км. Наконец, для полноты картины можно упомянуть о большом количестве плавника в прибрежной зоне шириной 80—100 м, основную массу которого составляют бревна самых разных размеров, разбросанные на расстоянии 5—10 м друг от друга.

17 июня, собирая материалы по питанию сапсана (*Falco peregrinus*) у гнезда № 2 (в гнезде было 3 яйца), мы обнаружили в одной из погадок кроющие перья головы взрослого самца большого пестрого дятла. 26 июня (в гнезде уже 4 яйца) здесь же на кормовых пунктах были собраны перья еще одного экземпляра, а после вылупления птенцов остатки этих дятлов (в том числе клюв и лапа) были найдены у этого же гнезда 20, 26 и 30 июля и 2, 4 и 7 августа. За исключением первой и третьей находок, состояние перьев и система ежедневного контроля кормовых пунктов не оставляли сомнения в том, что птицы были добыты в тот же день или накануне. Более того, 30 июля перья дятла были найдены сухими в 7.30 утра, через час после сильного дождя. Птицы же, остатки которых найдены 17 июня и 20 июля, могли быть добыты сапсаном на 3—4 дня раньше.

11 августа в 12 км севернее гнезда № 2 было обнаружено обитаемое гнездо сапсана № 3. Среди остатков пищи, собранных здесь на кормовых пунктах, мы нашли перья и клюв еще 4 больших пестрых дятлов. Судя по сохранности перьев, птицы были добыты не ранее начала августа. В сборах у гнезда № 1, оставленного сапсанами еще до появления птенцов, остатки дятлов не встречены. Гнезда других хищников в районе наших работ отсутствовали.

Таким образом, у двух гнезд сапсана с 17 июня по 11 августа были найдены остатки 12 экземпляров большого пестрого дятла. Камеральная обработка материалов позволила по степени обношенности рулевых и по окраске перьев с головы установить наличие 2 молодых и 3 взрослых особей. Особый интерес представляет птица, найденная 26 июня, у которой пеньки на 2 крайних рулевых достигали 24 и 52 проц. от длины всего пера. Однако отсутствие следов пеньков на средних рулевых, маховых и кроющих крыла и характер обношенности рулей убеждает в том, что это взрослый начинающий линять экземпляр. Для определения возраста остальных и полового состава почти всех найденных дятлов мы не располагаем достаточно надежными материалами.

Сборы по питанию сапсана полностью еще не обработаны, но уже сейчас очевидно, что среди его добычи большой пестрый дятел займет далеко не последнее место.

Естественно, возникает вопрос, каким образом в сотнях километров от границ леса можно объяснить появление остатков 12 больших пестрых дятлов.

Предположение о их гнездовании в пределах исследуемого района отпадает из-за отсутствия подходящих для этого условий. Диаметр даже самых толстых стволов ив недостаточен для устройства дупел, а другие древесные породы, как указывалось выше, здесь отсутствуют. Можно было бы допустить гнездование дятлов в бревнах плавника, но тщательное обследование прибрежной полосы на протяжении более чем 50 км исключают и эту возможность.

Вторая версия, основанная на допущении наличия у сапсанов охотничьих участков большой протяженности также не согласуется с фактами. В литературе есть указания об удаленности мест охоты сапсана от гнезда на 3—18 и даже 30 км (Дементьев, 1947; Ушков, 1959; Cade, 1959; Бианки, 1960; Голодушко, 1960; Ratcliffe, 1962). Мы регистрировали охотящихся сапсанов не далее 6—7 км от гнезда. Исходя из этого трудно предположить, что сапсаны за добычей летают к бли-

жайшим ленточным лесам за 250—300 км. Да и там большие пестрые дятлы не найдены (Добринский, 1959), а остатки трехпалых в добыче наших сапсанов отсутствовали. Предположение же о регулярных полетах сапсана за добычей на 400—500 км вряд ли нуждается в обсуждении. Наконец, многочисленные наблюдения у гнезд показали, что самец отсутствует во время охоты не более, чем 2—2,5 часа, что физически исключает возможность полета на такие расстояния.

Наиболее достоверным, не идущим вразрез с имеющимися фактами, нам представляется предположение о послегнездовой инвазии больших пестрых дятлов в тундру, которого придерживается и В. И. Осмоловская (1948). Склонность этих птиц к значительным непериодическим передвижениям хорошо известна (Гладков, 1951; Кумари, 1959). В частности, имеются указания на залеты их в тундры п-ова Канина (Дементьев, 1935). Н. Н. Скокова любезно сообщила нам о залете 2 молодых больших пестрых дятлов на безлесный о. Большой Айнов вблизи Мурманского побережья в середине августа 1962 г. К тому же в добыче сапсанов дятлы появились уже после вылета молодых в ближайших районах их гнездования (Портенко, 1937; Гладков, 1951; Теплова, 1957). Правда, в отношении экземпляров от 17 и 26 июня, добытых ранее обычных сроков начала кочевок, видимо, придется допустить, что это холостые бродячие птицы.

Таким образом, обнаруженные нами экземпляры являются собой случай едва ли не самого дальнего залета в тундру (от ближайших границ леса) большого пестрого дятла. А факты синхронного обнаружения их на Ямале и близ Мурмана наводят на мысль о широких масштабах летне-осенней инвазии 1962 г.

При таком обилии дятлов в добыче обоих известных нам выводков сапсанов вызывает удивление полное отсутствие визуальных регистраций этого вида в открытом районе, где в этот период одновременно работало от 4 до 6 зоологов.

Наиболее вероятное, на наш взгляд, объяснение этому следует искать в избирательности соколов по отношению к дятлам. Видимо, она настолько велика, что не более 3 пар сапсанов* вылавливали появляющихся на территории стационара дятлов быстрее, чем их успевали заметить наблюдатели.

* Мы не располагаем материалами по летнему питанию пары № 1, оставившей кладку. Но поскольку она продолжала держаться в районе гнезда, мы допускаем ее участие в вылове дятлов.

Причины такой «оперативности» сапсанов мы видим в значительно большей, по сравнению с аборигенными видами, доступности дятлов для хищничества в условиях несвойственного им открытого тундрового ландшафта. Здесь они прежде всего лишены возможности использовать привычные средства защиты от хищников. В связи с отсутствием в тундре обычных кормов дятлов, нельзя также не учитывать их возможной ослабленности и связанной с этим меньшей осторожности и малоподвижности*.

Кроме того, сейчас можно считать установленными (Frigginton, 1946; Tinbergen, 1946; Dice, 1947; Kramer, 1951; Craighead F., Craighead I., 1956; Лэк, 1957; Pielowski, 1959, 1961; Eutermoser, 1961 и др.), что избирательность хищников, в том числе сапсана (Rudebeck, 1950 — 1951; Treleaven, 1961), направлена не только на наиболее доступных, но и на необычных особей, выделяющихся из основной массы животных внешним обликом, окраской, особенностями поведения и т. п. Причем вполне логично допустить, что вероятность гибели данной особи при прочих равных условиях тем больше, чем более существенно она отличается от других животных.

Нам не пришлось наблюдать больших пестрых дятлов в тундре, но в этом плане уместно, пожалуй, напомнить высказывание о них А. В. Дмоховского (1933): «... надо сказать, что совершенно нелепое зрелище представляет из себя дятел, прыгающий по тундре...» Возможно, что именно эта «нелепость», эта заметность и необычность дятлов в тундре также явились одной из причин столь пристального «внимания» к ним сапсанов. Наконец, быстрота вылова дятлов, пожалуй, подтверждает справедливость воззрений некоторых исследователей (Сиггу — Lindahl, 1961; Cerny, 1961), полагающих, что хищники не просто выбирают из группы возможных жертв наиболее заметных или дефектных особей, но что уже сама необычность внешнего облика животного стимулирует их к атаке на него.

Итак, всего 3 пар сапсанов оказалось достаточно для осуществления эффективного (вплоть до полного истребления) контроля над численностью инвазионных дятлов на территории около 150 км². Такое положение, на наш взгляд, хо-

* Упомянувшиеся выше дятлы, залетевшие на о. Б. Айнов, по словам Н. Н. Скоковой, были вялыми, почти не боялись людей. Добывать пищу они пытались в бревенчатых сооружениях и стеблях крупных растений. Один из дятлов, пойманных сачком на стене дома, был истощен.

рошо согласуется с идеей Ч. Элтона (1960) о существенной роли аборигенных хищников в ряду факторов экологического сопротивления видам-пришельцам.

ЛИТЕРАТУРА

Бнанки В. В. К авифауне устья р. Оби и прилегающей части полуострова Ямала. Ежегодник зоолог. музея Акад. наук, т. 14, 1909.

Бнанки В. В. Русский сокол в Кандалакшском заливе. Орнитология, вып. 3, 1960.

Бойков В. Н. Материалы по фенологии птиц северной лесотундры (низовья реки Полуй). Сб. «Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф.», кн. I, 1962.

Брандт И. Ф. Позвоночные животные северо-европейской России, и в особенности Северного Урала. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой, т. 2. 1856.

Геоботаническая карта СССР. Под ред. Е. М. Лагренко и В. Б. Сочавы. 1954.

Гладков Н. А. Отряд дятлы. Птицы Советского Союза, т. I. 1951.

Гладков Н. А. Птицы Тиманской тундры. Сб. трудов зоолог. музея МГУ, т. 7, 1951а г.

Гладков Н. А. Материалы по птицам окрестностей Воркуты (восток Большеземельской тундры). Орнитология, вып. 4. 1962.

Голодушко Б. З. Значение «территории» в жизни хищных птиц Беловежской пущи. Тезисы докл. 4-й Прибалт. орнитол. конф., Рига, 1960.

Данилов Н. Н. К орнитофауне Полярного Урала. Уч. зап. Уральского гос. ун-та, вып. 31, биология, 1959.

Дементьев Г. П. К биологии среднерусского сокола *Falco peregrinus brevirostris* Menzbier. Сб. «Очерки природы Подмосквья и Московской обл.» 1947.

Дерюгин К. М. Путешествие в долину среднего и нижнего течения реки Оби и фауна этой области. Тр. импер. Санкт-Петерб. о-ва естествоисп., т. 29, вып. 2. 1898.

Дмоховский А. В. Птицы средней и нижней Печоры. Бюлл. Моск. о-ва испыт. прир., т. 42, вып. 2. 1933.

Добринский Л. Н. Данные о северном пределе распространения некоторых видов птиц на территории Ямало-Ненецкого национального округа. Труды Салехардск. стационара Уральск. филиала АН СССР, вып. I. 1959.

Дунаева Т. Н., Кучерук В. В. Материалы по экологии наземных позвоночных тундры южного Ямала. Материалы к позн. фауны и флоры СССР, отд. зоолог., вып. 4. 1941.

Житков Б. М. Птицы полуострова Ямала. Ежегодн. зоолог. музея Акад. наук., т. 17. № 3—4. 1912.

Карпович В. Н., Коханов В. Д. Новые данные об орнитофауне острова Вайгач и северо-востока Югорского полуострова. Сб. «Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф.», кн. 2. 1962.

Кречмар А. В. О ландшафтном распределении птиц юго-западного Таймыра. Орнитология, вып. 4. 1962.

Кузякин А. П., Кузякин В. А. Фоновые птицы Уральской лесотундры. Сб. «Материалы к конференции по вопросам зоогеографии суши», Тезисы докл., Алма-Ата. 1960.

- Кумари Э. В. Инструкция для наблюдения инвазионных видов птиц. Тарту. 1959. Лэк Д. Численность животных и ее регуляция в природе. 1957.
- Наумов С. П. Млекопитающие и птицы Гыданского полуострова. Труды полярной комиссии АН СССР, вып. 4. 1931.
- Осмоловская В. И. Экология хищных птиц полуострова Ямал. Труды ин-та географии АН СССР, т. 41. 1948.
- Портенко Л. А. Фауна птиц внеполярной части Северного Урала. 1937.
- Сдобников В. М. Распределение млекопитающих и птиц по типам местообитаний в Большеземельской тундре и на Ямале. Труды Арктическ. ин-та, т. 92. 1937.
- Сыроечковский Е. Е. Птицы Хантайского озера и прилегающих гор Путраны (средняя Сибирь). Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та, т. 20, вып. 2. 1961.
- Теплова Е. Н. Птицы района Печоро-Ильчского заповедника. Труды Печоро-Ильчск. запов., вып. 6. 1957.
- Успенский С. М. Некоторые виды птиц на северо-востоке Европейской части СССР. Уч. зап. Московск. ун-та, вып. 197, орнитология. 1958.
- Успенский С. М. Широкая зональность авифауны Арктики. Орнитология, вып. 3. 1960.
- Успенский С. М., Вехов В. Н. Ландшафты изолированных островных ивовых лесов востока Большеземельской тундры. Докл. Высшей школы, серия географ., вып. 2. 1959.
- Ушкеев С. Л. К экологии сокола-сапсана в Ильменском заповеднике. Труды Ильменск. запов., вып. 7. 1959.
- Фкиш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь, 1882.
- Шестак А. С. Орнитологические наблюдения летом 1920 г. (Томск — мыс Трехбугорный — мыс Круглый). Вестн. Томск., орнитол. о-ва, кн. I. 1921.
- Шестак А. С. Материалы к изучению авифауны Обско-Тазовского полуострова и Ямала. Вестн. Томск., орнитол. о-ва, кн. I. 1921 а.
- Шухов И. Н. Река Щучья. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. 22. 1914.
- Шухов И. Н. Птицы Обдорского края. Ежегодн. зоол. музей Акад. наук, т. 20, 1915.
- Шухов И. Н. К орнитофауне северной части Обской губы и острова Шокальского. Изв. Западно-Сибирск. отд. Русск. географ. о-ва, т. 6. 1929.
- Элтон С. Экология нашествий животных и растений. 1960.
- Cade T. J. Ecology of the Peregrine and Gyrfalcon populations in Alaska. Univ. Calif. Publ. Zool., 63, N 3, 1959.
- Cerny W. Rezervace Velky Tisy jako zimoviste orlu morskych (Haliaeetus albicilla). Ochrana prirody, 16, N 4. 1961.
- Craighead J. J., Craighead F. C. Hawks, owls and wildlife. Washington. 1956.
- Curry-Lindahl K. Conservation and predation problems of birds of prey in Sweden. British birds, 54, N 8. 1961.

Dice L. R. Effectiveness of selection by owls of deer-mice (*Peromyscus maniculatus*) with contrast in color with their background. Contr. lab. Vertebr. Biol., Univ. of Michigan, 34. 1947.

Eutermoser A. Schlagen Beizfalken bevorzugt Kranke Krähen? Vogelwelt, 82, № 4, 1961.

Errington P. L. Predation and vertebrate populations. Quart. Rev. Biol., 21. 1946.

Finsch O. Reise nach west-Sibirien im Jahre 1876. Berlin. 1879.

Kramer V. Höher Beuteanteil von Hausgeflügel beim Habicht infolge fehlender Schutzfärbung. Ornithol. Mitt., 3, 1951.

Pielowski Z. Studies on the relationship: predator (Goshawk) — prey (Pigeon). Bull. Acad. polon. scienc., serie biolog., 7, N 10. 1959.

Pielowski Z. Über den Unifikationseinfluss der selektiven Nahrungswahl des Habichts (*Accipiter gentilis* L.) auf Haus- tauben. Ekologia Polska, ser. A., 9, N 11. 1961.

Ratcliffe D. A. Breeding density in the Peregrine *Falco peregrinus* and Raven *Corvus corax*. Ibis, 104, N 1. 1962.

Rudebeck. G. The choice of prey and modes of hunting of predatory birds with special reference to their selective effect. Oikos, 2, 3. 1950—1951.

Seebohm H., Harvie—Brown J. A. Notes on the birds of the lower Petchora. Ibis, 3, 6. 1876.

Tinbergen L. De Sperwer als roofvijand van zangvogels. Ardea, 34, N 1—3. 1946.

Treleaven R. B. Notes on the Peregrine in Cornwall. British birds, 54, N 4. 1961.